

Духовно-нравственные истоки русских революций и переворотов

СУТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИДЕАЛОВ

Российская цивилизация в течение многих веков создавалась под влиянием целого ряда факторов. Чтобы понять характер тех масштабных перемен, которые имели место в XX веке в России, необходимо представить себе суть основных национальных идеалов (или идей), включая образовательные идеалы российской правящей элиты, интеллигенции и народа. Идеалы эти, во-первых, чрезвычайно пестры и разнообразны, и, во-вторых, удивительно противоречивы.

Рассматривая чаяния и устремления ведущих мыслителей, Любоуморов, духовных отцов нации, невольно ощущаешь эту постоянную двойственность, колебание между верой и неверием (двоеверием), меж хрис-

тианством и язычеством, меж духовным и материальным, меж законом и благодатью (праведностью), между бунтом и смирением, порой не отличаемым от рабства. Русский человек – тайный еретик с доверчивой душой ребенка. Он несет в сердце веру, веру в великий прорыв разума («смысленного разума»).

В XI веке при Ярославе Мудром митрополит Иларион, автор «Слова о Законе и Благодати», был известен знанием многих памятников европейской культуры. Он не только насытился «сладостью книжной», но и хотел через прошлое понять настоящее, проследив основные тенденции развития народов. Русская культура вступила в схватку с рационалистичным взглядом на человека как часть «тварного

мира». Схожую задачу ставим перед собой и мы [1].

Россия – страна, в которой образование на протяжении большей части ее истории играло подчиненную роль. Знание всегда считалось вторичным, а первичным было почитание семьи, власти отца, вождя, верность общинному укладу. Уже в договоре Олега с греками (911 год) упоминается «обычное право», под которым понимается система обычаев или некий моральный катехизис. Характерно, что в этих первых документах общественного назначения налицо высокий морально-нравственный климат, требование критического и глубоко осмысленного отношения к знаниям. Они ставят перед вождем задачу воспитания правдой.

Упомянутый Иларион восславил Владимира I не только за крещение Руси, но и за то, что «землю свою пас правдой, мужеством и смыслом». Введенный Иларионом термин «правда» мы стали применять и к образованию. Древнерусский афоризм гласит: «Лучше малое имущество, добытое правдой, чем многое богатство — без правды». Русский человек и образование воспринимал как синтез знаний и природного ума. В Ипатьевской летописи сказано: «Муж книжный, но без хорошего ума — как слепой. Муж мудрый, но не книжный подобен забору без опор». Народ наш не любил отвлеченных мудрствований, требуя от учителей наглядности в распространении тех или иных жизненных установок и поучений: «Уча — учи поступками, а не словами». Владимир Мономах в «Починении» писал, что дети должны не только не лениться, премудрых слушать и старшим покоряться, но и иметь «душу чистую и непорочную», т. е. на первое место в процессе обучения ставилось закрепление строгих норм общественной морали и поведения [2].

Одним из важнейших идеалов в воспитательном катехизисе было приучение детей к труду и умному образу жизни. Если западные школы и университеты на первое место ставили ум как источник благополучия, порядка и богатства, то у нас ум выступает скорее некой духовной вершиной, к которой обязан стремиться всякий подлинно достойный человек. Пословицы учат: «Не за бороду — за ум жалуют»; «И сила уму уступает»; «Умная голова сто голов кормит, а худая и себя не прокормит»; «Умный и без денег богат»; «Ума за морем не купишь, коли его дома нет» [3]. Перечисленные пословицы указывают на то, что хотя в народном понимании ум важнее чинов и богатств, но зачастую он оказывается в положении парии, находясь в стороне от власти и системы общественного устройства. Не случайно комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума» станет чуть ли не символом государственно-бюрократического устройства страны, намеренно не допускающего умы на первые роли.

ДВА ПУТИ ОБРАЗОВАНИЯ НА РУСИ

Образование на Руси шло двумя путями — с помощью монашества (духовных отцов) и светских просветителей. Известно, что все первые еписко-

пы, священники и монахи были из греков, явившихся к нам из Византии и с Афона. Так, за все время существования Киевского княжества на митрополичьем престоле только два раза были русские епископы (Иларион в 1051 году и Климент в 1148 году). Понятно, что и характер образования и веры, равно как и важнейшие постулаты нового государства, создавались под их эгидой и влиянием. Историк Н.М. Никольский писал: «Когда под властью константинопольского патриарха появилась новая русская церковь, из византийского запасного резервуара хлынули готовые отряды «просветителей» и «святителей». Основателем Киево-Печерского монастыря был афонский монах Антоний; другие монастыри ставились русскими князьями и боярами, но для управления ими приглашались также греческие монахи, приводившие с собою и ядро «подвижников». Ярослав, поставивший ряд церквей, давал на их содержание так называемый «урок» (часть доходов от княжеских имений) [4]. Такое положение явилось, конечно же, отражением того, что и христианство явилось миру в античных, греческо-иудейских одеждах. Идейные парадигмы образования создавались на библейских максимах и притчах. При этом в нашей первой педагогике уже видны ноты явно идеологические. Владимир, принимая веру, прельстился красотами богослужения, мотивом праведности и культурного вызова. Хотя Христос был первым учителем, но его собственный народ, иудеи, не принял его. Не приняли евреи и пророков, но вославили золотого тельца. В летописном своде XII века «Повести временных лет», которую некоторое время даже называли «Начальной летописью», прямо сказано, что Бог разгневался на свой народ и требовал от пророков: «Пророчествуйте об отвержении евреев и о призвании новых народов» [5]. После падения Рима, а затем и Константинополя Русь, казалось, стала своего рода наследницей древней веры и истины, когда Владимир реализовал реформы.

Заслуги той первой русской интеллигенции в обучении народа весьма значимы и весомы. Митрополит Климент Смолятич был известный книжник и философ, митрополит Кирилл I был «учителен зело и хитр ученью Божественных книг». Князь Роман Ростиславович, будучи весьма ученым

человеком, понуждал к учению священников и прочих, «устраивал училища, содержал учителей, греков и латинян, и на все это до того истощал свои доходы, что по смерти его (1180 год) жители Смоленска должны были сделать добровольный сбор для погребения своего любимого князя. Галицкий князь Ярослав Владимирович (1187 год) был большим любителем книг и знатоком языков. Он выступал за искоренение в народе суеверий и вменял в обязанность монастырей обучать детей грамоте на доход монастыря. Владимирский князь Константин Всеволодович в личной библиотеке имел свыше тысячи греческих книг, которые отдал в пожертвованный им перед смертью под училище дом. Но паче всех в России воссиял в домонгольский период Кирилл Туровской, второй Златоуст [6].

Все дальнейшее развитие России будет протекать в постоянной борьбе между чаяниями и устремлениями грешного, тварного и земного миров, с одной стороны, и надеждами на высшую, всеблагою жизнь как конечную цель бытия — с другой. Первые устремления преследовали цель отыскать средства к жизни, заполучить их как можно больше, добиться земных благ, вторые обещали бессмертие духа, торжество разума, истины, откровения, или достижение райских садов небесного царства. Одни навыки для обретения этого нужны на земле, другие — на небесах.

В сочинении профессора Московской духовной академии М. Тареева «Цель и смысл жизни» (1901 год) четко выражены эти противопоставления мира земного (с его знаниями, науками и образованием) миру нравственному, духовному, возвышенному, одним словом — миру Божьему. В то же время он справедливо заметил, что для христианина наука, искусство, государство не могут быть идолами, требующими жертв всеожождения. Он говорил о том, что искусство, не подчиненное христианскому духу, служит разврату, а техническое развитие во многих случаях в первую очередь рассчитано на потребности богачей. Он утверждал, что и сверхчеловек, и земной рай, якобы, водворяемые наукой, прогрессом, техническим совершенством, с христианской точки зрения являются лишь безумными мечтами и желал соединить христианство с наукой, культурой,

Владимир I Святой

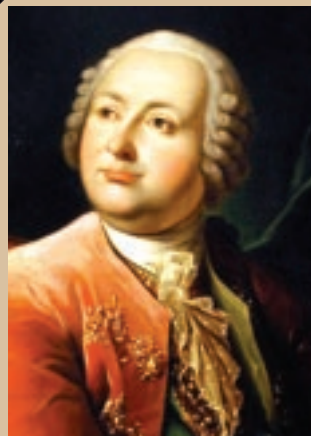
Ярослав Мудрый

Петр I

А. Радищев

М. Ломоносов

образованием в интересах культурно-го развития. Однако как научиться последовательно, умно сочетать эти интересы и воззрения, он не знал. Тареев честно признавал, что законы земного мира не предполагают достижения счастья, и что дальнейшее развитие культуры и цивилизации лишь умножает различия в положении людей. Те, кто овладели всей полнотой власти и богатства, далеки от норм Христовых. Богачу не видать царства Христова сквозь игольное ушко. Тареев утверждает: «Иначе как аскетом и юродивым христианин не может быть в мире», или далее: «Христианин должен быть там, где слезы, горе, раздоры, бедность». Хотя он утверждает, что миссия христианина не исчерпывается этим, все же вынужден и он признать: «Вне этой деятельности в мире христианина нельзя себе и представить» [7].

ИДЕЙНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КОРНИ РОССИИ

Даже робкая попытка понять истоки и характер идейно-образовательных корней России позволяет сделать вывод: мы не могли, да и не хотели обойтись без помощи могучих европейских рек культуры и образования, вытекавших из чрева старушки-Европы. Вместе с тем в нашем сознании прочно укоренилась идея, что мы строили и строим свой мир и страну «на почве иной культуры». Это так — и не так. Философ Гераклит утверждал, что судьбой человека управляет «демон». Был свой «демон» и у России. Этот демон — существо искусственное, созданное обстоятельствами истории.

По мере того как русские цари распространяли власть на соседние земли и народы, они неизбежно должны были найти или изыскать державную философию, отвечающую целям и задачам набирающего силу государства. Идея христианского царства в образе Москвы как Третьего Рима была удобной формой. Эту схему официальные книжники, идеологи, деятели образования сразу стали тиражировать, подчеркивая идею, что «Московский Царь есть последний и единственный, а потому всемирный Царь».

После захвата Константинополя крестоносцами папство стало осуществлять в отношении славян агрессивный прозелитизм. Папа Иннокентий III обещал галицкому князю Роману Мстиславичу королевский титул и свое

покровительство. Он же пишет послание «духовенству и мирянам в России», которое должны были доставить на Русь (1207 год). Все это происходило на фоне попыток Литовского великого княжества включить в свои границы возможно большее число восточнославянских территорий. В дальнейшем с земель Польши наблюдается интенсивное проникновение католических орденов на Русь. Фанатизм нищенствующих проповедников, покусившихся на богатства необъятной России, вызвал возмущение как светских, так и духовных властей. В 1233 году доминиканцы были изгнаны киевским князем Владимиром Рюриковичем — и идейный захват Руси не осуществился, как впоследствии провалилась и попытка захватить Русь с помощью Смуты [8].

Понятно, почему Г. Флоровский в «Пути русского богословия» писал, что в российской схеме Третий Рим (то есть Россия) «заменяет, а не продолжает Второй». Все это означало, что назначение России заключается вовсе не в том, чтобы продолжить или повторить римско-византийские (греко-католические) традиции, но построить «новый Рим» взамен прежнего — павшего и падшего. Конечно, это вело к сужению не только православного, но и образовательного кругозора. Отсюда недалеко до полного разрыва не только с греческой, но и с общеевропейской, мировой традициями. «Возникает опасность заслонить и подменить вселенское церковно-историческое предание преданием местным и национальным, замкнуться в случайных пределах своей поместной национальной памяти». Вл. Соловьев называл это «протестантизмом местного предания». Не случайно вскоре последовало «полное выключение и отрицание греческого посредства», ну и не только греческого [9].

Мы не претендуем на окончательную истину суждения, а лишь оттеняем ту важную особенность русской мысли, которая и будет формировать поколения мыслителей и широкие круги образованной и не очень образованной интеллигенции. Знаменательно, что русская мысль, всегда сохраняя внутренний протестантизм, никогда не опускалась до пренебрежения мировым разумом. Однако и на пути мысли появились «пороги», которые пришлось преодолевать, неся нравственные и духовные потери.

ПЛОДЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

В XVII веке на Руси выявились различные группировки, по-разному видевшие будущее России. Одни видели корни известной Смуты в новшествах, во влиянии иноземцев на правителей, в пассивном и раболепном поведении подданных (И. Тимофеев во «Временнике» 1619 год), другие причину постигших страну бед увидели в отсутствии единения в народе,

в политической апатии, которую называли «безумным молчанием» (Авраамий Палицын в «Сказании»). Не внесли спокойствия и реформы Никона, приведшие к расколу. Он заявил, что «священство выше царства», и тем самым фактически поставил Русь на грань бунта.

Уже тогда Запад, ревниво наблюдавший за подъемом мощи и влияния русского медведя, с тревогой замечал, как обновилось государство и система управления. Находившийся в России в конце XVI века почти в течение двух десятилетий англичанин Дж. Горсей (1573–1591) отмечал, что Россия обновилась «будто это была совсем другая страна; новое лицо страны было противоположным старому; каждый человек жил мирно, уверенный в своем месте и в том, что ему принадлежит. Везде восторжествовала справедливость. Однако бог еще приберег сильную кару для этого народа. По природе этот народ столь дик и злобен, что, если бы старый царь не имел такую тяжелую руку и такое суровое управление, он не прожил бы так долго, поскольку постоянно рас-

крывались заговоры и измены против него» [10].

В российской традиции всегда звучала тема строительства Божьего града на земле. Этот град Божий должен был вместить в себя всех людей вне зависимости от их материального положения или места в обществе. Однако все эти помыслы разбивались о реформы, целью которых становилось укрепление царского абсолютизма. С введением «Соборного уложения»

(1649 год) происходит окончательное закрепощение крестьян. Однако наиболее влиятельные просветители видели будущее России в поисках своего пути. Так, Крижанич выступал за необходимость распространения грамотности и наук: «Пусть же никто не говорит, будто нам, славянам, путь к наукам был заказан каким-то роком небесным и будто бы мы не можем или не должны учиться наукам». Но и тут звучит необходимость критически относиться к западной премудрости. «А разум говорит, — пишет он, — Русское царство так же велико и славно, как римское, никогда ему не подчинялось и равно ему по власти» [11]. Тут и вызов, и патриотизм, и немалая гордыня. По его мнению, русское государство — единственное из славянских, не подверженное чужеземцам.

Как бы ни пытались приблизить Русь к Европе, как идеологически, так и материально она долгое время находилась в отрыве от европейской обустроенности, культуры, образования. Иначе зачем бы Петру понадобилось «прорубать окно в Европу», а великому Пушкину закреплять в со-

знании поколений такой вот образ модернизации государства Российского (в нормально построенном доме окно встраивают, а не прорубают). Петр Великий встал перед необходимостью изменить конструкцию нашего дома, пустив туда больше света и воздуха. Поэтому и в своем окружении Петр сделал ставку на людей типа Матвеева, Куракина, Феофана Прокоповича. Все они берут пример с границы (с французского общества). Они полагали, что французы достиг-

го хорошего и доброго там усвоили на пользу своего, российского. Однако не от хорошей жизни он то и дело прибегал к дубине, а то и к палачу.

В России вообще архитрудно идет модернизация снизу. Для российской государственности особенно показателен труд Ф. Прокоповича «Правда воли монаршей». Написанный под влиянием идей эпохи Просвещения труд сей знаменателен тем, что все или почти все ставит в зависимость от монаршей воли. Хотя он и ратует за труд, выделяя

ла печать гениальности», писал: «Перерационализировали над нежной русской душой умные начальники: патриарх Никон, киевские ученые, чужие нам греки не почуяли ее святой ревности о первой ее любви (ибо мечта о Третьем Риме последнего на земле православия есть первая и единственная любовь русской души)...» Вместе с тем светская и церковная власть, скажем честно, не охотно способствовала развитию образования и просвещения. У нашей пра-

ли немалых успехов при воспитании светского человека, который не знает низкопоклонства, в прямой воле и смелости воспитывается и «без всякой трудности обучается наукам». И таких людей Петр создавал подобно гомункулу. Они забросят в умы основы европейского просвещения, да и европейской вольности... «Они сами и их единомышленники клали воистину крепкое основание европеизации русских нравов и русской общественности, сразу переходя к тем высоким степеням, до которого массе русского общества пришлось добираться еще долго и с большим трудом». Стоит обратить особое внимание на эту фразу — «сразу переходя к тем высоким степеням» [12]. Для русских (а точнее для той гремучей смеси, которую и представляет наш народ, будучи полурусским, полуазиатом, полуиудеем, но едва ли полуфранцузом или полунемцем) очень характерно это желание получить «все и сразу», сразу перескочить к высшей степени знаний, культуры, политики.

Петр и его птенцы «не даром и не впустую» побывали на Западе и мно-

значение личных заслуг, хотя и признает право на богатство, но это вторично по сравнению со всевластием царя. Только от монарха зависит достижение общественного блага («всенародной пользы») как нынешнего, так и грядущих поколений. Все зависит от высшей власти. Она — бог и царь. По мысли Прокоповича, подданные не имеют никаких прав и должны беспрекословно повиноваться воле монарха, будь он даже треклятый злодей. В библиотеке тот хранил конституции, но забыл о них в сочинении [13].

На Руси всегда требовалось немало мужество от тех, кто пожелал бы честно высказать свои мысли. Вспомним, как протопоп Аввакум, возражавший против притеснения народа в «Житие», был сожжен, а его соратникам (Епифанию, Лазарю, Федору) вырезали языки и отрубили пальцы на правой руке, чтоб те не могли писать и креститься. Россия почитала веру отцов («отцепредавшую веру») и не желала принимать рационалистичные установки реформаторов. Скажем, А.В. Карташев в статье «Смысл старообрядчества», на которой «лег-

вящей элиты (цари, бояре, высшее духовенство) идея массовой школы долгое время не находила признания. Процесс «ошколивания всех разветвлений жизни» на Руси, по словам Карташева, не только запоздал на четверть тысячелетия, но встречал пассивное сопротивление. Если Киевская и Юго-Западная Русь заметно продвинулись по пути знаний, то другие регионы весьма поотстали. «Ни уму, ни сердцу русского монаха и епископа ничего не говорил призыв к науке и школе». На глазах Адриана разрушалась и сходила на нет Славяно-греко-латинская академия в Москве [14].

Мы должны понимать, что Россия еще накануне XIX века, века реформ и перемен, находилась словно «в состоянии китайской оцепенелости». Европа в XVII веке была покрыта школами и университетами, а печатные станки можно было найти в любом мало-мальски приличном городе. У нас же даже арабские цифры, известные в Европе с XII века, ввели лишь в XVII веке, а первая книгопечатня в 1563 году была разгромлена при молчаливом согласии верховной власти. Пер-

вые печатники И. Федоров и П. Мстиславец избежали суда по обвинению в колдовстве только потому, что успели спастись бегством [15].

Безусловно, петровские реформы сдвинули дело с мертвой точки. Но потом мы едва ли не целый век вынуждены были переваривать их. Наша элита привыкла, что все толковое идет к нам из Европы. Цари женились на дочках европейских монархов, немцы обучали нас естественным наукам, французы – языку и культуре, голландцы – кораблестроению и торговле, англичане и шотландцы – строительству. Фаркарсон открыл в 1701 году Школу математики и навигации в Москве. Упование на Запад и сделало нашу правящую элиту ленивой и неспособной к творчеству.

Всем было ясно: только «неволей» и можно побудить народ и монархию, а также всех этих недорослей из властвующей элиты, что «ни в какую службу и науку не годятся», к решительным переменам. По сведениям 1727 года, всего в цифирные школы удалось согнать «батогами и угрозами» более 2 тыс. человек. По приказу Петра Великого в каждом классе был поставлен солдат с хлыстом, который и должен был, буде кто из учеников бесчинствовать, «оним хлыстом бить, несмотря какой бы фамилии ученик не был». Петр и сам частенько говаривал: «Наш народ, яко дети, неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера... не приневолены бывают» [16].

Весь XVIII век продолжалось воплощение в жизнь заветов Петра. Пройдет три четверти века прежде чем усилиями П.В. Завадовского и Екатерины II был сначала разработан, а затем и принят «План к установлению народных училищ в Российской империи» (1782 год). Затем при Павле I Завадовский попал под особый скрытый надзор, пока к власти не пришел царь Александр I, «сердце и душа Екатерины».

Отношение правящей элиты к российским законам было отрицательным. О них говорили, что «писаны во мраке невежества». Завадовский, поставленный царем во главе комиссии по устройству законов, сетовал на недостаток знаний и огорчался тем, что ему приходится работать «за немца», а вся туча книг теоретического законоведства «не клеится с русским бытом». И опять же вопросами просвещения постави-

ли заведовать иностранца Лагарпа. Тот пишет царю, что дело образования в России в эпоху Екатерины кончилось тем, что, несмотря на добрые намерения, ее обманули с реформами: устроили наскоро несколько блестящих заведений и на том сочли миссию просвещения России исчерпанной. Академия наук далека от народа: «В Академии наук заседает князь Дундук» (А. Пушкин), а численность студентов в Московском университете порой не доходила до ста (конец XVIII века). «Пусть в больших городах учреждаются университеты, гимназии и другие училища, но вместе с тем пусть открываются и сельские школы, в которых будут учить, по крайней мере, писать и считать».

Иностранцы не могут быть истинными просветителями народа, нужны для этой цели природные русские умы, что смогут лучше понять его настроения и обычаи. Об отношении Александра к министру народного просвещения П. Завадовскому говорит и его характеристика: «настоящая овца», «он просто ничтожен и посажен только для того, чтобы не кричал, что отстранен» [17]. Понятно, что при таких порядках и дело шло кое-как. Впрочем сверхкритическое отношение к российской действительности не всегда справедливо, ибо к концу царствования той же Екатерины в стране насчитывалось уже более 300 училищ.

Однако было уже ясно: в сфере воспитания и образования народа возникли две линии – монархическо-консервативная и народно-революционная. Если первая делала акцент на достижение в школах и университетах «образцового послушания» и была направлена на пресечение «худых рассуждений и дерзких слов», на укрепление веры в монархию и начальство (начальники могут и должны «все лучше и основательнее знать»), то вторая желала развеять в народе тьму невежества и предрасудки. Ее последовательно развивали М. Ломоносов, Н. Новиков, А. Радищев и др. В оде «Вольность» Радищев выразил надежду, что свобода «невежества развеет прах». Он предрек суровую расплату правящей элите «за суровость и бесчеловечие» к народу.

Власть сгноит Новикова в Шлиссельбурге, книгу Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» Екатерина назовет «богомерзким сочинением», автора заклеят «бунтовщи-

ком, что хуже Пугачева» и осудит на смертную казнь (смерть заменили ссылкой; в 1802 году тот покончил в ссылке жизнь самоубийством) [18]. Поэтому В.О. Ключевский и скажет: «Усилия и средства, потраченные со времени Петра I на обучение наукам и художествам, принесли мало добрых плодов» [19]. И дело вовсе не в неспособности народа, а в неповоротливости и лени правящей верхушки и царского окружения.

Отечественная война, победа над Наполеоном, видение офицерами порядков европейской жизни, характера правления «пробудили» декабристов, толкнув их к мятежу.

Литература

1. Тысячелетие русской письменной культуры (988–1988) // Альманах библиофила. М., 1989.
2. Изборник. Сборник произведений литературы Древней Руси. М., 1969.
3. Избранные пословицы и поговорки русского народа. М., 1957.
4. *Никольский Н.М.* История Русской церкви. М., 1985.
5. Златоструй. Древняя Русь X–XII веков. М., 1990.
6. *Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.* История русской церкви. Т. 2. М., 1995.
7. Смысл жизни. Антология. Сокровищница русской религиозно-философской мысли. М., 1994.
8. Древняя Русь: пересечение традиций / Под ред. В.В. Милькова. М., 1997.
9. *Прот. Флоровский Г.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.
10. *Горсей Дж.* Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990.
11. Из истории русской философии: Сб. ст. М., 1952.
12. *Князьков С.* Из прошлого русской земли. Время Петра Великого. М., 1991.
13. История русской философии / Под ред. М.А. Маслина. М., 2001.
14. *Карташов А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2., М., 1992.
15. *Степняк-Кравчинский С.М.* Россия под властью царей. М., 1965.
16. *Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1976.
17. Очерки истории российского образования: В 3 т. Т. 1., М. 2002.
18. *Радищев А.Н.* Избранные философские сочинения. М., 1949.
19. *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. Т. 9. М., 1990.